

БЕЗДОМНЫЕ «ПАТРИОТЫ» РОССИЙСКОЙ НАУКИ¹

В.И. Глазко

*Российский государственный аграрный университет —
МСХА им. К.А. Тимирязева*

Аннотация: *Рассматриваются возможные причины реанимации противопоставления Т.Д. Лысенко и Н.И. Вавилова. Отмечаются «родовые черты» таких попыток: отсутствие интереса к работам обоих учёных и к современным достижениям генетики, а также к предоставлению научной аргументации своей позиции.*

Ключевые слова: *Н.И. Вавилов, Т.Д. Лысенко, И.В. Сталин, М.А. Анохин, В.И. Пыженок.*

Поразительно, как Н.И. Вавилов притягивает к себе дискуссии среди научного сообщества, да ещё со скандальным оттенком. Вот уж что совсем неожиданно. В нашем отечестве были две фигуры, по-настоящему озабоченные выводами Т. Мальтуса о том, что земных ресурсов не хватит, для того, чтобы прокормить растущее население планеты. Это К.Э. Циолковский и Н.И. Вавилов. Один считал необходимым искать другую землю, если эту съедим, а другой — хотел мобилизовать мировые растительные ресурсы, вывести новые сорта и интенсифицировать использование плодородных почв, в том числе и в незанятых до сих пор регионах, за границами зон «рискованного» сельского хозяйства. Задачи вполне понятные, в этом направлении наука идёт и до сих пор, так в чём проблема, откуда всё берутся и берутся предстатели той самой отечественной научной среды, которые всё обличают и обличают давно умершего Н.И. Вавилова? Уже в разных странах созданы банки растительных ресурсов, названные его именем, нет ни одной серьёзной статьи о механизмах domestikации растений и животных, в которых бы не ссылались на результаты его экспедиций.

В свое время Международный журнал «Heredity» удостоил Вавилова чести быть включённым в почётную рамку на титуле обложки, наряду с К. Линнеем, Ч. Дарвиным, Т. Морганом и другими выдающимися мировыми лидерами биологии. Казалось бы — мировая наука навечно вписала его имя в свои страницы... Так откуда берутся всё новые и новые статьи, разоблачающие бесполезность его деятельности? Да ещё под таким названием: «Накормившие ложью» [Анохин 2015: 10]... Предыдущая, того же автора, хотя бы называлась менее агрессивно: «Академик Лысенко и бедная овечка Долли» [Анохин 2009: 12]. При этом аргу-

¹ Отклик на статьи М. Анохина: «Академик Лысенко и бедная овечка Долли» (опубликована в «Литературной газете» 18.03.2009 г., № 11 (6215)) и «Накормившие ложью» (опубликована в той же «Литературной газете» 4.02.2015, № 5 (6495)).

менты разоблачений одни и те же. Всё, что сделал Вавилов, было известно и до него, а его тяжелейшие экспедиции по земному шару — это просто он так развлекался.

В качестве противопоставления ему используют знаменитый позор отечественной науки, Т.Д. Лысенко. Почему позор? Это легко можно увидеть из вошедших в архивы текстов его публичных докладов на различных партийных съездах. Известна жалоба Т.Д. Лысенко И.В. Сталину на Н.И. Вавилова. В результате за год до ареста учёного Л.П. Берия направил письмо В.М. Молотову о необходимой для этого санкции под предлогом противодействия Вавилова политике Лысенко [Суд палача... 1999]. Смотри также письмо И.И. Презента Молотову, там также стоит подпись Лысенко после слов «с текстом ознакомился» [Вавилов 2004: 98–99].

Документов теперь достаточно много. Например, выступление Т.Д. Лысенко ещё в феврале 1935 года на Втором Всесоюзном съезде колхозников-ударников с призывом к крестьянским массам поддержать кампанию по яровизации. Цитируем по стенограмме съезда: «Товарищи, — говорил Т.Д. Лысенко, — ведь вредители-кулаки встречаются не только в вашей колхозной жизни... Но не менее они опасны, не менее закляты и для науки. Немало пришлось кровушки попортить в защите, во всяческих спорах с так называемыми „учёными“ по поводу яровизации... Товарищи, разве не было и нет классовой борьбы в яровизации?... На самом деле, товарищи, хотя яровизация, созданная советской действительностью, и смогла... за какие-то 4–5 лет, вырасти в целый раздел науки, смогла отбить все нападки классового врага, — а немало их было — но сделать надо ещё много... Были такие... кулацкие, вредительские рассказы, когда вместо того, чтобы помогать колхозникам, делали вредительское дело. И в учёном мире, и не в учёном мире классовый враг — всегда враг, учёный он или нет... На основе единственно научной методологии, единственно научного руководства, которому нас ежедневно учит товарищ Сталин, это дело вытянуто и вытягивается колхозами... Многие учёные говорили, — продолжает Т.Д. Лысенко, — что колхозники не втянуты в работу по генетике и селекции, потому что... для этого необходимо окончить институт. Но это не так. Вопросы селекции и генетики ставятся теперь по-иному. Сейчас, как хлеб, как вода для жаждущего, необходимо вмешательство в работу селекции и генетики масс колхозников. Колхозная инициатива в этом деле необходима, без этого у нас будут только учёные специалисты-селекционеры, кустари-одиночки... Колхозники... дают народному хозяйству больше, чем некоторые профессора...» [Глазко 2013].

Или другой пример — переписка Т.Д. Лысенко со И.В. Сталиным. В записке от 25 ноября 1947 года, сопровождающей рассылку письма Т.Д. Лысенко членам и кандидатам в члены Политбюро, секретарям ЦК, председателям совхозов, а также директору Ботанического сада АН СССР академику Н.В. Цицину² Т.Д. Лысенко настаивает на административных мерах (отчёркнуто И.В. Сталиным): «Дорогой Иосиф Виссарионович! Если мичуринские теоретические установки, которых мы придерживаемся и на основе колхозно-совхозной практики развиваем, в своей основе правильны, то назрела уже необходимость... внести резкий перелом в дело воспитания наших кадров биологов, агрономов и животноводов. Метафизическое учение о живых телах — морганизм-менделизм, вейсманистский неодарвинизм преподаётся во всех вузах, мичуринское же учение — советский дарвинизм почти нигде не преподаётся. Прошу Вас, товарищ СТАЛИН, помочь этому хорошему, нужному для нашего сельского хозяйства делу».

И.В. Сталин почти тут же отвечает: «Уважаемый Трофим Денисович! Вашу записку от 27.X.1947 г. получил. Большое Вам спасибо за записку... Что касается теоретических установок в биологии, то я считаю, что мичуринская установка является единственно научной установкой. Вейсманисты и их последователи, отрицающие наследственность приобретённых

² Фонд И.В. Сталина в Архиве Президента РФ.

свойств, не заслуживают того, чтобы долго распространяться о них. Будущее принадлежит Мичурину. С уважением. И. Сталин. 31.X.47 г.»

Августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 года нанесла сильный удар по отечественной генетике, признав классическую генетику реакционной, а единственно верным — «мичуринское учение» самого Лысенко. Он выступил на этой сессии с докладом «О положении в биологической науке», который сегодня не только учёные читают с изумлением: «Менделисты-морганисты-вейсманисты идеалистически и антидиалектически полагают, что за наследственность ответственны какие-то гены, которых никто и не видел. А также они полагают, что гены расположены в каких-то хромосомах, которых, может быть, и нет вовсе, а если они и есть, то их функции — это участие в обмене веществ. А поскольку они при этом утверждают, что хромосомы находятся в ядре, то и вовсе их вывод об особой роли ядерной наследственности реакционен, так как свойство наследственности принадлежит всем компонентам живого организма». Лысенко назвал эту сессию «великим праздником» [Глазко, Чешко 2009]. В качестве основных лиц, против которых были направлены выступления Т.Д. Лысенко и его сторонников, были выбраны морфолог и эволюционист И.И. Шмальгаузен, генетики Н.П. Дубинин и А.Р. Жебрак. Оратор подчеркнул, что менделизм-вейсманизм-морганизм чужд советскому народу, стороннику творческого прогрессивного мичуринского учения, и вреден, поскольку вместо изучения законов генетики, например на коровах, исследования проводятся на мушке дрозофиле. Кроме того, Лысенко окончательно сформулировал тезис о том, что «мичуринской биологии» теория вероятностей и статистика не нужны, он говорил следующее: «Не будучи в состоянии вскрыть закономерности живой природы, органисты вынуждены прибегать к теории вероятности <...> Недаром же зарубежные статистики — Гальтон, Пирсон, а теперь Фишер и Райт — также считаются основоположниками менделизма-морганизма. Наверное, по этой же причине и академик Немчинов заявил здесь, что у него, как у статистика, хромосомная теория наследственности легко укладывается в голове. <...> Такие науки, как физика и химия, освободились от случайностей... Изживая из нашей науки менделизм-морганизм-вейсманизм, мы тем самым изгоняем случайность из биологической науки» [Лысенко 1948: 520–521].

И тут же, после августа 1948 года, был запрет на преподавание генетики в средней школе и в вузах, исключение генетических исследований из научных планов, лишение работы генетиков и т. д. и т. п. Меры принимались комплексные, так, в частности, 23.08.1948 министр высшего образования СССР С.В. Кафтанов издаёт приказ 1208 «О состоянии преподавания биологических дисциплин в университетах и о мерах по укреплению биологических факультетов квалифицированными кадрами биолого-мичуринцев». По этому же приказу из библиотек изымался ряд учебников и учебных пособий по генетике и селекции. 26 августа 1948 года Президиум АН СССР принял решение о пересмотре состава редакционных коллегий биологических журналов АН СССР с целью пополнения их представителями передовой мичуринской биологии. Уволены были около трех тысяч генетиков и биологов. Некоторые из них попали в тюрьму, были и те, кто покончил с собой. Петра Климентьевича Шкварникова, последнего заместителя директора ВИРа при Н.И. Вавилове, лично Лысенко увольнял два раза. Шкварников проявил мужество, отказавшись уже после ареста Н.И. Вавилова подписать отчёт по проверке работы Института растениеводства, в котором отрицались его научные успехи. Шкварникова спасло лишь то, что началась война и он ушёл на фронт. Мартиролог погибших и загубленных очень велик.

Обо всем этом М. Анохин пишет: «...Сегодня, когда наше общество вроде бы смирилось с тем, что репрессии сильно преувеличены, придётся признать: Лысенко не имел отношения к тем репрессиям, хотя, как и факт их преувеличений, воспринимается с некоторым недоумением...» [Анохин 2009].

Многое удивляет в публикациях Анохина, но потрясают строки, в которых упоминается имя Н.И. Вавилова. «...Такие же чувства у многих должна вызывать информация о том, что

погибший в тюрьме Н.И. Вавилов крайне мало сделал для науки и практики, зато много путешествовал, заводил на Западе знакомства, имел там счета в банках... И растрачивал государственные средства без отдачи...» [Анохин 2015]. К сожалению, сам Николай Иванович не может ответить на клевету через столько лет после своей трагической гибели от голода в саратовской тюрьме.

И это написано о Н.И. Вавиллове, создателе первого банка растительных ресурсов, сохранённого его сотрудниками и соратниками (генетиками) во время Ленинградской блокады. Банка, спасшего, уже после его смерти, систему семеноводства в нашем отечестве после второй мировой войны, и в ряде государств — после массовых инфекционных поражений ряда культур, то есть — население целых стран от голода.

Мировая генетика со времён так рано погибшего Н.И. Вавилова, не стояла на месте и, претерпев у нас невыносимые и бессмысленные гонения, обрела небывалый в науке взлёт уже на молекулярном уровне. И никто не опровергает законов Г. Менделя, открытий Т. Моргана, важности работ Н.И. Вавилова, В. Иоганнсена, Г. Де Фриза и др. Как и вклад в мировую генетику таких отечественных учёных, как Н.К. Кольцов, С.С. Четвериков, Ю.А. Филипченко и многих других. Генетика, разгадав молекулярную структуру наследственности, расшифровав генетический код, решает такие теоретические вопросы и практические задачи, которые Лысенко и его сторонники даже представить себе не могли. ДНК технологии, геномика (современная генетика) решили и вопросы о механизмах адресной наследственной изменчивости. А ведь управление наследственностью и было заявленной целью Лысенко, однако отсутствие научной культуры и университетского образования сыграло с ним злую шутку.

Статьи М. Анохина хороши тем, что в них чётко видны некоторые особенности таких выступлений, которые являются как бы их «родовыми чертами» — или клеймом, если хотите. Во-первых, область исследований автора расположена достаточно далеко как от классической генетики, так и от современной молекулярной генетики. То есть, — не входит в область основных научных интересов автора. Поэтому, естественно, что ряд утверждений звучит настолько чудовищно, с точки зрения знакомства с предметом обсуждения, что просто не поддаются обсуждению. Например, в статье Анохина про овечку Долли сообщается следующее: «...не только ДНК (дезоксирибонуклеиновая кислота) клеточного ядра ответственна за генетику, но также цитоплазма, внутриклеточная среда, в которой „плавают“ ядро. Это доказала американка Барбара Мак-Клинток, за что ей в 1983 году присудили Нобелевскую премию. ... Объясняет передачу от одних бактерий к другим устойчивости к антибиотикам и многое другое! Однако для российских граждан послевоенного поколения это ещё открытие личного свойства, потому что Мак-Клинток подтвердила теорию Т.Д. Лысенко...» [Анохин 2009].

Здесь автор явно неточен: Барбаре Мак-Клинток премия была присуждена за открытие перемещающихся по геному транспозирующихся элементов (мобильных генетических элементов), а передача устойчивости к антибиотикам от одной бактерии к другой обусловлена совсем другим — передачей плазмиды — внехромосомной кольцевой молекулы ДНК, несущей гены ферментов метаболизма антибиотиков.

А вот следующее утверждение автора: «...Но овечка Долли умерла, а раньше умерла та генетика, которую с избыточной страстностью критиковал Лысенко. Законы Грегора Менделя, детализированные Морганом, оказались точны лишь для гороха...» [Там же]. Сведущим людям ясно: автор не в курсе, что хромосомная теория Моргана, в частности, положение о сцеплении генов, вступала в конфликт с одним из законов Менделя о независимом наследовании вариантов разных генов. То есть, автор на самом деле не понимает, что обсуждение законов эпигенетики невозможно без генетики того самого Менделя... Эпигенетику автор упоминает как альтернативу генетике Менделя. Кстати, овечка Долли прожила 6 лет, это примерно как 60 лет для человека, что, в общем, не так уж и мало.

В принципе, доктор медицинских наук М. Анохин имеет полное право во всём этом не разбираться. В конце концов, очевидно, что ему не читали генетику там, где он учился благо-

даря «народному академику» Лысенко. М. Анохин не читает генетику в вузе, а значит, молекулярно-генетические исследования не входят в область его основных научных познаний. Хотя трудно представить человека с медицинским образованием, не знающего имён Дальтона или Шарлотты Ауэрбах, ничего не слышавшего о синдроме Дауна или дальтонизме. Медицинская генетика в нашей стране тоже имеет очень длинную и трагическую историю. Приведу только один пример, В.И. Эфроимсон был арестован в 1948 г. после выступления против Лысенко.

Но, видимо, автору публикации в «ЛГ» интересны работы Т.Д. Лысенко, его вклад в развитие агробиологии? Вот что Анохин пишет о значении работ Т.Д. Лысенко: «Ведь „сталинский академик“ (или „народный академик“ — его так тоже называли) доказывал, что наследственные признаки связаны со всей клеткой в целом, а не только с её ядром, из чего вытекает, что внешняя среда влияет на наследственность» [Там же].

Цитата предполагает, что генетики отрицали влияние внешних воздействий на состояние и проявление материала наследственности. Это ещё одна «родовая черта» таких выступлений. Их авторы считают, не утомляя себя аргументами, что оппоненты обязательно, как у бессмертного Паниковского из «Золотого телёнка» Ильфа и Петрова, «жалкие, ничтожные личности». А то, что со времён опубликования работы В. Иоганнсена в 1909 г. «Элементы точного учения об изменчивости и наследственности» и введения терминов «фенотип», «генотип», «аллель», под фенотипом подразумевается результат взаимодействия между генотипом и факторами среды, это совершенно неважно. Ну, а современные теории спонтанного и индуцированного мутагенеза, хромосомного импринтинга, сетевых регуляторных систем контроля работы генов, в которых, естественно, участвуют нейроэндокринные, иммунные, субстрат-зависимые сигнальные системы, тесно связывающие внешнюю и внутреннюю среду организма — этого для Анохина вообще не существует. Для генетиков, биохимиков и физиологов это не так обидно, по сравнению с тем, что для М. Анохина и великий И.П. Павлов, получивший Нобелевскую премию в 1904 г., был знаменит, с его точки зрения, только потому, что «...держал фигу в кармане против властей...», как пишет автор.

И третья «родовая черта» заключается в том, что доктора медицинских наук совершенно не интересуется, а с чем, собственно, выступал сам Т.Д. Лысенко, которого защищает М. Анохин, против генетиков, и, в частности, против Н.И. Вавилова? В чём, например, заключается учение Т.Д. Лысенко о наследственности, кроме утверждения о том, что материалом наследственности является не ядро, а вся клетка?

Теория развития растений у Лысенко основывалась, прежде всего, на его работах по изучению эффекта температуры на онтогенез, выполненных в 20–30-е годы прошлого века. Он пришёл к выводу, что отношения между организмом и окружающей средой могут быть разделены на фазы, или стадии, характеризующиеся разными потребностями растения (эти представления часто называют «теорией фазового развития»). Строго говоря, стадийность раннего развития организмов, наличие критических периодов и возможность ими управлять, контролируя факторы окружающей среды, к этому времени уже были хорошо известны, в частности, благодаря классическим работам К.А. Тимирязева, Д.Н. Прянишникова и многих других. То, что обработка семян (до или после прорастания) позволяет при определённых условиях сократить вегетационный период и получить (например, в США) урожай озимых сортов зерновых летом, было известно ещё в 1854 году и стало предметом исследований немецкого учёного Г. Гасснера незадолго до конца первой мировой войны. Но в СССР приоритет в этом почему-то отдавали Т.Д. Лысенко. Причём под используемым им крайне неопределённым термином «яровизация» понимались практически все манипуляции с семенами или клубнями перед севом — обычную крестьянскую практику хозяйствования (в частности, предлагаемая Лысенко яровизация картофеля включала в себя проращивание клубней перед посадкой).

Маловероятно, чтобы доктор медицинских наук был в наше время заинтересован в анализе работ Лысенко и его вклада в увеличение урожайности растений путём яровизации: просто область исследований достаточно далека от Анохина. Но ведь можно было хотя бы поинтересоваться конкретно, как Лысенко пытался очистить отечественную агробиологию от порочной генетики. Или почему позже, уже в 1960-х годах, Трофим Денисович часто повторял, что он не убивал Вавилова.

Понятно, имя Н.И. Вавилова совершенно не нуждается в защите. Оно защищено его научными работами. Важно другое — что М. Анохину труды Н.И. Вавилова, так же как и работы Т.Д. Лысенко, абсолютно неинтересны. Вот это сочетание «родовых черт» таких выступлений — полная незаинтересованность реальными научными делами как генетиков, так и антигенетиков. В результате такой незаинтересованности — ярко выраженная примитивизация целой научной области, а также всяческие намёки на интеллектуальную и моральную ущербность оппонентов. Это всё должно иметь какую-то общую причину, для которой — как повод — используется один из трагических этапов в жизни Российской науки. Так в чем же дело, что же нам хочет сказать автор?

Похоже, ничего особенного. Типичная попытка реванша, цикличность которого удручает. Как-то очевидно, что некоторые представители отечественного научного сообщества пытаются повторить успехи Лысенко и использовать его любимый приём эксплуатации либо патриотизма, либо социальной близости к власти. Насколько случайно то, что первая статья М. Анохина появилась в 2009 г., после трагичной истории с Грузией, а вторая — сейчас, в 2015, после Крыма?

Печальнее всего, что, видимо, это пример деградации научного сообщества. Нет страха ошибиться, нет запрета на прямые оскорбления, нет уважения к погибшим. Проблема «подавания руки», сдерживавшая когда-то многих, такая важная в самых тяжёлых условиях российской науки, перестала быть актуальной. Наука становится совершенно непрестижной и неважной областью жизни страны. И если нет возможности самоутвердиться, реализовать свой творческий потенциал в своей профессии, в споре с научными оппонентами по близкой и важной для тебя научной теме крупного масштаба, возникает соблазн прислониться к такой проблеме, за которой — живая кровь.

Много хуже, когда в том же направлении выступает вроде бы тот, кто по «штатному расписанию» должен был бы с большим уважением относиться к Н.И. Вавилу и его работам. Его фамилия, кстати, упоминается в обеих вышерассмотренных статьях М. Анохина. Это профессор С.-Петербургского государственного аграрного университета (СПбГАУ) В.И. Пыженков, опубликовавший к 100-летию института и к 120-летию юбилею Н.И. Вавилова ряд публикаций таких как: «Н.И. Вавилов — человек, учёный, организатор и руководитель кафедры генетики и селекции СПбГАУ» [Пыженков 2004], «Николай Иванович Вавилов и его „закон гомологических рядов в наследственной изменчивости“» [Пыженков 2006], «Н.И. Вавилов и Нью-Йоркское отделение Бюро прикладной ботаники (ВИР)» [Пыженков 2007].

В.И. Пыженкова никак нельзя заподозрить в незнании того, о ком и о чём он пишет, тем более, что он ряд лет заведовал именно той кафедрой, которую когда-то основал Н.И. Вавилов. То, что он излагает, и как интерпретирует деятельность своего выдающегося предшественника, просто шокирует. Например, он пишет: «Н.И. Вавилов мог бы стать действительно гениальным учёным, но для этого ему не хватало усидчивости». Отрицать усидчивость у Н.И. Вавилова, написавшего более 500 статей, более 40 тысяч писем, охватившего экспедициями более 50 стран, собравшего мировую коллекцию растений, известного своей организаторской деятельностью — более чем странно. Прелестно и это снисходительное похлопывание по плечу — мол, мог бы, да плохо старался.

У В.И. Пыженкова во всех его публикациях Вавилов представлен по-прокурорски обвинительно. В том числе и вся его деятельность в Царском Селе. Понятно, что Н.И. Вавилов,

как человек, попавший в невероятно трудные условия, делал всё возможное и невозможное, чтобы люди и работа, за которых он отвечал, были устроены и задействованы. Вавилову, в общем, в условиях гражданской войны, разрухи, голода, вряд ли удалось бы сохранить людей и обеспечить возможность их работы, если бы он не обладал способностью к дипломатии и не был бы тем выдающимся организатором науки, заслуги которого вынуждены признавать все.

Даже из тех фактов, которые приводит В.И. Пыженков, видно, что Вавилов показал себя в то время умелым политиком, ставящим интересы вверенного ему коллектива, его работы и благоустройства, на первое место, в том числе с пользой для Агрономического института и возглавляемой им кафедры. На первом плане у Вавилова всегда была научно-исследовательская работа, а педагогическая — как приложение к ней. И это, как показало время, правильно, — обучение необходимо с научным опережением, это будущее страны. Тем более для такого института, который является кузницей будущих кадров полевых агрономов-исследователей для страны.

Из его выпускников действительно вышло немало крупных учёных, составивших, в том числе, и цвет ВИРа: Н.Р. Иванов, А.Я. Камераз, В.Т. Красочкин, В.В. Суворов, Е.С. Якушевский и многие другие. Каким образом, ценой каких усилий и жертв со стороны Вавилова всё это грандиозное сотворение мирового по своему значению научного центра достигалось, ждёт, видимо, своего объективного историко-архивного изыскания. Но только не такого, как предложил Пыженков, в текстах которого обсуждается, что кто-то кого-то «надул», или что-то у кого-то «оттяпал». Даже стилистика изложения в статьях В.И. Пыженкова отражает примитивизм и субъективизм его подходов к явлениям мирового ранга. Статьи Пыженкова оставляют неприятный осадок, ещё и потому, что носят такой скандальный оттенок. Странно, что автор не нашёл никакого реального позитива в деятельности Н.И. Вавилова. Например, лекции Вавилова не могли пройти и не прошли бесследно для тех, кто его слушал, а лектором он оставался до 1930 г. Так, восторженны воспоминания тогдашних студентов Агроинститута, слушавших Вавилова и не без его влияния пошедших работать в науку, в том числе в ВИР. Многие выпускники Агроинститута стали известными сотрудниками ВИР, а ведущие сотрудники ВИР были профессорами и заведовали кафедрами института (К.И. Пангало, Г.А. Левитский, Л.И. Говоров, К.А. Фляксбергер). И это ведь тоже организовал Вавилов.

В целом рассуждения В.И. Пыженкова об особенностях характера Н.И. Вавилова субъективны, а порой и просто извращённо поданы. Так, Пыженков, осуждая поведение Вавилова в его отношениях с ректором Агроинститута, пытается по-своему объяснить это особыми неуправляемыми свойствами характера Вавилова. При этом В.И. Пыженков претендует на некую, не свойственную другим, объективность. Он старается низвести Вавилова в образ человека, соответствующего его собственным представлениям, показать, что это вовсе не идол, а вполне такой же — как и все остальные. То, насколько В.И. Пыженкову это важно, хорошо ощущается хотя бы потому, как он подтасовывает факты. Например, как В.И. Пыженков акцентирует амбициозность Вавилова на основании отрывка письма Вавилова к Е.И. Барулиной, из которого он выхватил только первую строку: «Сажу в кабинете за столом покойного Р.Э. Регеля...». Из этого В.И. Пыженков делает вывод, что это льстит самолюбию Вавилова. Однако представим отрывок полностью: «...и грустные мысли несутся одна за другой. Жизнь здесь трудна, люди голодают, надо вложить заново в дело душу живую. Надо строить заново всё... Мне кажется, что я стал верующим человеком, как был в детстве, только вместо одного бога служу другому. И право хочется создать храм науки». Совершенно наглядно желание В.И. Пыженкова объяснить, что вся деятельность Вавилова сводится к удовлетворению амбиций... Ну, «...каждый пишет, что он слышит, каждый слышит, чем он дышит...», — как пел Окуджава.

В другой статье В.И. Пыженков уже пытается объяснить, в частности, что закон гомологических рядов в наследственной изменчивости вовсе и не вавиловский. Вряд ли тут стоит

приводить и столь же серьёзно разбирать аргументацию автора антивавилонской по сути брошюры, поскольку она мало что открывает и добавляет к пониманию сути закона. Тем более что сам он его ни в коей мере не оспаривает. Оспаривается лишь авторство закона, причём в таком духе, что невольно закрадывается мысль, а не имеем ли мы тут дело с крупным научным хищением, т. е. плагиатом, который совершил Вавилов. Но вся пыженковская работа обесценивается самим Вавиловым и его законом, который следует внимательно читать, в частности, раздел «Идея параллельной изменчивости», где перечислены все предшественники сформулированного им закона. Пыженкову осталось лишь повторить те же имена. Таким образом, то, что было сформулировано Вавиловым, отнюдь не является ни с какой — ни с моральной, ни с правовой — точки зрения, нарушением авторских прав ни Дарвина, ни Уолша, ни Копа, ни других, кто выдвигал идеи, сходные с тем, что обобщил в XX веке Н.И. Вавилов. Особенно если учесть тот факт, что основы этого закона он разрабатывал на сортах пшеницы и их устойчивости к патогенному, будучи ещё студентом Д.Н. Прянишникова. Вопрос о приоритете закона не был тогда ни для Вавилова, ни для его учёных коллег таким уж принципиальным, как теперь выясняется для Пыженкова, одержимого идеей «развенчания», во чтобы то ни стало, «кумира» из пантеона великих деятелей науки.

Любители странной манеры оспаривать и принижать всё великое и значительное, сделанное немногими, были всегда и находили в этом, очевидно, некоторое самоутверждение, утоление личных комплексов неудовлетворённости своим местом в научном и окружающем их мире. Это ещё и со времён Пушкина хорошо известно. Как Александр Сергеевич писал в своем письме о Байроне: «...Толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости она в восхищении. *Он мал, как мы, он мерзок, как мы!* Врёте, подлецы: он и мал и мерзок — не так, как вы — иначе...» (из письма А.С. Пушкина П.А. Вяземскому (Вторая половина ноября 1825 г. Михайловское)).

Вавиловские же таблицы по изменчивости видов достаточно информативны и прогностичны, но не дают того физико-химического диапазона информации о веществе как таблица Д.И. Менделеева. Однако это вполне может стать возможным теперь на биохимическом, молекулярно-генетическом уровне в силу современных возможностей манипуляции с генами, их выделения, секвенирования, клонирования, когда гомологичные признаки будут представлены тождественными генными детерминантами. Именно сейчас пришло время разрешить давнее сомнение, насколько вавиловский закон затрагивает гомологию, а не аналогию признаков. Скорее всего, будет иметь место и то, и другое, но это не умалит самого принципа систематизации и периодизации наследственных элементов живого.

Очевидной неправдой Пыженкова является и то, что у Вавилова было мало истинных, преданных друзей, единомышленников. Однако известно, что у него был свой тесный, не слишком обширный круг людей, его понимавших, делавших с ним великое дело, им задуманное: собрать и использовать весь мировой генофонд растительных ресурсов на благо своего народа и всего человечества. У Вавилова была огромная армия помощников, и не только в ВИРе, веривших в него и общее с ним дело, искренне его любивших, уважавших и даже обожавших. Естественно они не могли помочь ему после ареста, хотя такие попытки и предпринимались среди ближайших его сотрудников, но благодарная память о нём осталась у них на всю жизнь. Этому свидетельств более, чем предостаточно (взять те же сборники воспоминаний о нём). Были у него, разумеется, и враги, и завистники, и недоброжелатели, их было, к сожалению, тоже немало и, как оказывается, не только при его жизни. Вавилова давно нет, но идеи и дела его не погибли.

Ответить всем этим доморощенным Геростратам он не может. За него отвечает само его имя, всё то великое, что им было сделано и унаследовано продолжателями его трудов и свершений. Его авторитет слишком велик, чтобы кому-то серьёзно его поколебать. Однако ради, если не уже ушедшего поколения учёных, то нового, приходящего сейчас в науку, необходи-

мо его защищать от недостойного для академической среды обсуждения. Академик Н.И. Вавилов является непреходящей ценностью российской и мировой науки, её прошлого, настоящего и будущего. Только изучая, развивая, и не искажая, подрывая вавиловское научное наследие, отдавая должное жертвенному гражданскому служению учёного науке и обществу, можно надеяться на материальное и духовное их обновление.

Не требует, видимо комментариев и утверждение Пыженкова о том, что «никогда Лысенко не превращал спор в политические спекуляции». Достаточно ознакомиться с его речью на встрече ударников сельского хозяйства с руководителями ВКП(б) и правительства: классовая борьба, вредительство в учёном мире, колхозники «дают народному хозяйству больше, чем некоторые профессора» и всё в таком роде. В ответ сталинское: «Браво, товарищ Лысенко, браво!». Ну а печально известная августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 года, организатором и вдохновителем которой был Лысенко, — что это, как не политический спектакль с самыми зловещими для науки последствиями? Вот уж действительно «темы споров чисто научные».

Говорить же о том, что спор о стабильности и изменчивости гена Вавилов якобы проиграл, как утверждает Пыженков, вообще беспочвенно. Удивляет, как это может утверждать профессор кафедры селекции и семеноводства, который должен был бы знать о генетике не понаслышке.

Самое оскорбительное, что В.И. Пыженков не погнушался «доконать» Н.И. Вавилова на материале заведённого по нему следственного дела № 1500. Как и чем выбивались признания у подследственных, широко известно. Использование подобного рода материалов для унижения Н.И. Вавилова в своих целях просто чудовищно.

Но всё-таки, хотелось бы обратить внимание как авторов таких выступлений, так и редакционных коллегий популярных изданий, в которых они публикуются, на следующее обстоятельство. Абсолютно невозможно, чтобы загубленные судьбы людей, жизненные трагедии, одна из самых горьких и позорных страниц истории российской науки, использовалась для удовлетворения чьих-то нереализованных амбиций, тоске по реваншу, утолению эмоционального голода. Поразительно, как много об авторах говорит заключение второй статьи М. Анохина в «Литературной газете», в котором он цитирует Пыженкова: «В.И. Пыженков после анализа работ и биографии Н.И. Вавилова заключил (как представляется, с полным основанием): „Всемирную известность доставили ему не его научные открытия, а его трагическая смерть“» [Анохин 2015].

Вавилов писал и часто повторял фразу: «Много званных, но мало избранных» (Матф. гл 22.14), тем самым как бы ограничивая круг лиц, способных понять цель его работы и служения науке. Н.И. Вавилов имел на это основание. Он сам был из числа избранных подвижников науки, он верил в её гуманистическую, спасительную для человечества миссию. Он поразительно много успел сделать за свою короткую жизнь, много не успел, судя по записным книжкам. Вавилову сделать этого не дали, не поняли, сгубили. Он и теперь до конца не понят и даже кого-то званного, но не избранного раздражает, как и при своей жизни. Но это удел немногих истинных пророков в своем отечестве и Н.И. Вавилов — один из них.

Анохин М.А. 2015. Накормившие ложью. — *Литературная газета*. — № 5 (6495). — 4 февраля.

Анохин М. 2009. Академик Лысенко и бедная овечка Долли. — *Литературная газета*. — № 11 (6215). — 18–24 марта.

Вавилов Ю.Н. 2004. *В долгом поиске. Книга о братьях Николае и Сергее Вавиловых*. — М.: ФИАН.

Глазко В.И. 2013. *Николай Иванович Вавилов и его время. Путь на Олимп (хроника создания и распада СССР)*. — М: Нефть и газ.

Глазко В.И., Чешко В.Ф. 2009. *Август-48. Уроки прошлого*. — М: Изд-во РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева.

Лысенко Т.Д. 1948. Заключительное слово. — *О положении в биологической науки. Стенографический отчёт сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина. 31 июля – 7 августа 1948 г.* — М.: ОГИЗ-СЕЛЬХОЗГИЗ.,

Пыженков В.И. 2004. *Н.И. Вавилов-человек, учёный, организатор и руководитель кафедры генетики и селекции Санкт-Петербургского государственного аграрного университета*. — СПб.: СПбГАУ.

Пыженков В.И. 2006. *Николай Иванович Вавилов и его «закон гомологических рядов в наследственной изменчивости»*. — СПб. : СПбГАУ.

Пыженков В.И. 2007. *Н.И. Вавилов и Нью-Йоркское отделение Бюро прикладной ботаники (ВИР)*. — СПб.: СПбГАУ.

Суд палача... 1999. *Суд палача: Николай Вавилов в застенках НКВД. Биограф. очерк. Документы*. — Сост. Я.Г. Рокитянский, Ю.Н. Вавилов, В.А. Гончаров. — М.: Academia.